

Чэн Вэй и сам пожалел о своём решении.

Всё началось за обеденным столом, когда мать заметила, что после возвращения из-за границы не стоит сразу разрываться на работе — лучше какое-то время побыть дома. Как раз через пару дней Чэн Е и Ли Цинъюй собирались в летний лагерь, и ей пришло в голову отправить с ними Чэн Вэя — в качестве сопровождающего, чтобы тот немного отдохнул.

Чэн Вэй, терпеть не любивший лишних хлопот, согласился лишь потому, что Цинъюй смущённо ему улыбнулся. Словно какой-то бес под руку толкнул.

Летний лагерь проходил в дождевых лесах и напоминал настоящую школу выживания. У всех отобрали телефоны, раздав взамен браслеты с функцией экстренного вызова. На старте выделили минимум припасов; разбросанные по джунглям опорные пункты требовалось отыскать до того, как провизия подойдёт к концу.

Чэн Е с детства отличался гиперактивностью: едва ступив под сень тропического леса, он пришёл в неистовый восторг и напролом помчался вперёд, прокладывая тропу. Чэн Вэй — статный, физически развитый взрослый мужчина — держался с безупречной выправкой. Цинъюй, хотя и окреп за последнее время, на фоне спутников выглядел сущим заморышем.

Ему приходилось из последних сил поспевать за рвавшимся вперёд Чэн Е. К вечеру у Цинъюя гудела поясница и подкашивались ноги, а Чэн Е, которому всё было нипочём, лишь подтрунивал над его слабостью.

За весь день они так и не набрали на опорный пункт, а припасы в рюкзаках почти иссякли. Мучимый жаждой, изнурённый и обложенный насмешками Цинъюй сидел у костра, обхватив колени, и предавался унынию.

В этот момент рядом возникла бутылка с водой. Обернувшись, он увидел Чэн Вэя.

Их питьевые запасы закончились ещё к сумеркам, и на дне фляги Чэн Вэя болтались лишь жалкие остатки — буквально на пару глотков. Цинъюй жадно сглотнул слюну, заворожённо глядя на пластик, но всё же качнул головой:

— Я не хочу пить, брат Чэн Вэй, выпей сам.

Чэн Вэй настойчиво толкнул бутылку ему в руки:

— Пей.

Сопrotивляться соблазну Цинъюй не сумел — пересохшее горло горело огнём.

Едва Цинъюй забрал флягу, Чэн Вэй поднялся и направился прочь от костра. Над головой простиралось редкое звёздное плетиво, вокруг царила глухая, неестественная тишина. Вдруг накатила апатия: за каким чёртом он вообще согласился на эту авантюру и отправился добровольно терпеть лишения?

Навигатор дал сбой, они сбились с маршрута. По мху на стволах и расположению созвездий он в уме прикинул координаты: до ближайшей точки снабжения оставалось не меньше шести часов ходу. А ресурсы исчерпаны. Вода, которую он отдал Цинъюю, была последней. Требовалось срочно отыскать хоть какую-то подкормку и питьё прямо в джунглях.

Ночной тропический лес таил немало угроз — инструктор неоднократно предупреждал не покидать лагерь в темноте. Однако, изучив рельеф и характер растительности, Чэн Вэй рассудил, что поблизости можно кое-чем поживиться.

Он прошёл некоторое расстояние, освещая путь фонарём, когда за спиной послышались торопливые шаги. Обернувшись, он увидел запыхавшегося Цинъюя. Лучик света выхватил его покрасневшие щеки.

— Ты чего здесь? — без особого дружелюбия спросил Чэн Вэй.

Цинъюй обеими руками протянул ему флягу, восстанавливая сбитое дыхание:

— Та-там ещё остался глоток... Выпей.

Чэн Вэй бросил взгляд на пластик: парень едва пригубил воду. В глазах старшего на мгновение вспыхнул огонёк, однако голос остался отстранённым:

— Оставь себе.

Он рассчитывал, что после отказа Цинъюй вернётся к костру, но, пройдя с десятков метров, вновь уловил за спиной шаги.

Чэн Вэй терпеть не мог напрасных мучений, и затяжной переход изрядно его измотал.

— Зачем ты идёшь за мной?

Уловив в его тоне раздражение, Цинъюй прижал флягу к груди и отступил на пару шагов:

— Брат Чэн Вэй, куда ты собрался? В такую пору здесь небезопасно.

«Так он увязался вслед из опасений за мою шкуру?» — внутри у Чэн Вэя зашевелилось

неопределённое чувство.

Не дождавшись ответа, Цинъюй неожиданно всё понял:

— Ты отправился на поиски припасов, да? — Он засеменил рядом, неряшливо тараторя: — Я пойду с тобой! Обещаю, обузой не стану.

Чэн Вэй снова остановился, критически оценив его хрупкую фигуру:

— Ты же валился с ног.

Цинъюй и впрямь был истощён: суровые тропы джунглей до предела забили икроножные мышцы. Но отпускать Чэн Вэя одного казалось слишком рискованным. Впрочем, имелась и другая причина: Чэн Е, едва раскинув палатку, тут же захрапел, а сам Цинъюй ставить укрытие не умел и до смерти боялся оставаться один в темноте.

— Д-да нормально всё... — соврал он, вспыхнув до ушей.

Чэн Вэй больше не стал возражать, лишь бросил на ходу:

— Не отставай.

И едва заметно сбавил шаг.

Сколько они шли — неизвестно. Помимо хруста веток под ногами, сырой сумрак джунглей полнился посторонними шорохами. В памяти Цинъюя всплыли кадры из фильмов-катастроф про непроходимые чащи, и от ужаса он ещё сильнее стиснул флягу. Доведённый собственной фантазией до паники, он то и дело тихим шепотом звал спутника:

— Брат Чэн Вэй... Брат Чэн Вэй...

Он окликал его едва ли не на каждом шагу. Чэн Вэя это откровенно допекло; к тому же болтовня в ночном лесу могла привлечь незваных гостей.

— Мороки с тобой... — сквозь зубы процедил Чэн Вэй.

Он резко замер, и зазевавшийся Цинъюй врезался ему прямо в лопатки. Перепугавшись ещё пуще, парень мёртвой хваткой вцепился в полы его куртки. В призрачном свете луны уголки глаз Цинъюя заметно покраснели. Посмотрев на Чэн Вэя снизу вверх, он взмолился:

— Брат Чэн Вэй, мне страшно... Подержи меня за руку, а?

Ответа не последовало. Смутившись, Цинъюй начал стыдливо отцеплять пальцы: сам ведь обещал не обузой быть, а неженкой. Но не успел он отвести руку, как его ладонь сжали.

В противоположность душной влажности тропиков, пальцы старшего оказались сухими и прохладными. От этого прикосновения по душе разлилось непередаваемое спокойствие.

— Сказал же, держись рядом, — ровным, лишённым эмоций тоном произнёс Чэн Вэй.

Однако Цинъюй готов был взлететь от счастья:

— Угу!

Он радостно улыбнулся. Из рассказов Чэн Е складывалось впечатление, будто старший брат — недостижимый и холодный истукан. Вся семья Чэн относилась к нему с подчёркнутым почтением, граничившим с отчуждением, отчего и Цинъюй прежде испытывал перед ним робость.

Кто бы мог подумать, что Чэн Вэй окажется настолько отзывчивым.

Чэн Вэй оставил его у мощного ствола, раздавшегося вширь, точно гигантский бочонок. Цинъюй с любопытством уставился на странное растение.

Достав из рюкзака инструмент, Чэн Вэй пробурил древесину и протянул руку:

— Давай флягу.

Цинъюй послушно передал пустую тару и прильнул ближе, наблюдая за его манипуляциями. Спустя мгновение из отверстия ударила чистая струйка.

— Ого! — не удержался от возгласа Цинъюй.

Чэн Вэй обычно не отличался разговорчивостью, но тут вдруг снизошёл до пояснений:

— Это брахихитон, или «дерево-бутылка». В стволе накапливается до двух тонн влаги. Достаточно проделать отверстие — и вода потечёт сама.

— Брат Чэн Вэй, ты потрясающий! — искренне восхитился Цинъюй, едва ли не светясь от восторга. — Столько всего знаешь!

Чэн Вэй поднял голову и встретил взгляд его сияющих глаз — казалось, все сгинувшие в ночной мгле звёзды перекечевали в эти зрачки. С малых лет Чэн Вэй превосходил сверстников

во всём, однако похвалы слышал редко. Дед воспитывал его в жесточайшей дисциплине, принимая любые успехи как должное, да и прочие родственники привыкли к его безупречности.

И столкнувшись с настолько чистым, пылким восхищением юноши, Чэн Вэй ощутил, как сердце в груди ёкнуло.

Наполнив фляги доверху, они набрали немного диких плодов. Но когда Чэн Вэй спрыгивал с банановой пальмы, удача изменила ему: под ногами оказалась двухметровая яма, и он ухнул прямо в провал.

Цинъюй перепугался до смерти. Скользнув к краю выемки, он, точно беспомощный щёнок, свесился вниз:

— Брат Чэн Вэй, ты как?!

При падении Чэн Вэй сильно подвернул ногу, от вспышки боли лоб покрылся холодной испариной. Однако, привыкший сносить всё молча, он лишь крепче сжал губы.

Сверху доносился отчаянный лепет Цинъюя, постепенно переходящий в хлюпанье.

Опираясь на глинистую стенку, Чэн Вэй с трудом выпрямился и ровным голосом произнёс:

— Всё в порядке. — И, точно поморщившись от его всхлипов, добавил: — Не ной.

Получив отповедь, Цинъюй тотчас прикусил губу. Слёзы застилали глаза, но он изо всех сил сдерживал рыдания.

— Что делать, брат Чэн Вэй?.. Давай я тебя вытащу?

Это предложение заставило Чэн Вэя мысленно ухмыльнуться: с экими-то ниточками вместо рук затянет сюда же.

— Отодвинься, сам выберусь, — отрезал он.

Цинъюй отступил на пару шагов, безоговорочно веря: если Чэн Вэй сказал «выберусь», значит, так и будет. И действительно, спустя полминуты тот показался на поверхности.

Цинъюй бросился к нему, счищая грязь с одежды и в панике осматривая:

— Брат Чэн Вэй, где болит? Ушибся?

Чэн Вэя отродясь так не опекали. Глядя в опухшие, точно у кролика, глаза парня, он вновь ощутил сбой в ритме сердца. Накатила горькая ирония: теплоту, которой он никогда не видел от родни, ему подарил Цинъюй. В то время как его родной брат безмятежно дрых в лагере.

— Ничего страшного, — вымолвил он.

Однако попытка встать отозвалась глухим стоном — подвёрнутый сустав пронзила боль.

Лишь теперь Цинъюй заметил повреждение. Закатав штанину, он ахнул: щиколотка распухла и посинела, а вдоль голени тянулся глубокий порез от острой ветки или камня. Дрожащими руками Цинъюй извлёк из аптечки антисептик с бинтами. Заставив себя собраться, он принялся обрабатывать рану:

— Будет щипать, потерпи...

Чэн Вэй хотел отмахнуться, но обработка заставила его стиснуть зубы — боль оказалась зверской.

Закончив перевязку и убрав средства, Цинъюй опустил перед ним на корточки.

Чэн Вэй вопросительно изогнул бровь.

— Брат Чэн Вэй, залезай на спину, я донесу тебя!

Оценив хрупкие плечи юноши, Чэн Вэй усмехнулся. Однако при всём комизме ситуации он действительно привалился к его боку:

— Не фантазируй. Просто помоги идти.

Взвали его Цинъюй на загривок — и пяти шагов не пройдут, ухнут наземь обеими тушками.

Так они и побрели к лагерю: Цинъюй одной рукой подпирал Чэн Вэя, в другой сжимал фонарь, одолевая свинцовую тяжесть в ногах.

Чэн Вэй молчал о том, что знал заранее: организация лагеря безупречна, жизненные показатели участников отслеживаются в реальном времени. В случае ЧП спасатели прибыли бы за десять минут. Он мог в любой момент нажать кнопку на браслете.

Но стоит Цинъюю предложить свою помощь — и Чэн Вэй убрал руку от циферблата.

Из-за травмы Чэн Вэю пришлось сойти с дистанции раньше времени. На шестой день Чэн Е и Цинъюй наконец выбрались из джунглей.

По этому случаю у самой границы леса развели огромный костёр, вызвав из местной деревни артистов. Веселье гремело вовсю.

Нога Чэн Вэя практически зажила. Скитаясь среди ликующей толпы, он искал глазами Цинъюя, пока кто-то не обмолвился, что тот ушёл вместе с Чэн Е к холмам.

Чэн Вэй направился следом.

Ночное небо было усыпано россыпью звёзд, напоминавших алмазную крошку. Тёплый летний бриз накатывал мерными волнами.

На некотором отдалении, на небольшом пригорке, он разглядел две фигуры. Чэн Е прислонился к валуну, сморенный сном.

Чэн Вэй уже сделал шаг к ним, когда Цинъюй повернулся к спящему. В его взгляде проскользнула такая нежность и обожание, каких Чэн Вэй никогда прежде не видел.

На лице юноши отразились метания, смешанные с тайным трепетом, а секунду спустя он подался вперёд и едва ощутимо коснулся губами щеки Чэн Е.

Чэн Вэй сжал кулаки так, что побелели костяшки.

Два десятка лет Чэн Вэй жил по выверенному распорядку: учёба, борьба, стремительное восхождение. Благодаря природной одарённости, железной самодисциплине и превосходству во всём, любое желание исполнялось щелчком пальцев. Но до сих пор ничто в жизни не заставляло его сердце брезжить настоящей страстью.

Пока в тот год он не встретил Ли Цинъюя.

Стояла глухая летняя ночь, воздух пропитался душной влагой, а в ветвях неистово стрекотали цикады, выплёскивая остатки жизни. Но Чэн Вэю казалось, будто кругом царит лютый мороз. Словно его швырнули в ледяной сугроб.

Опустив ресницы, он тихо, едва слышно горько усмехнулся.

Тогда-то он и осознал: момент упущен. На свете полно вещей, которые ему не суждено получить.

И судьба никогда не отличалась к нему справедливостью.

Под сенью уличных фонарей колыхались тени ветвей. Стоял сырой весенний заморозок, однако Чэн Вэй больше не чувствовал холода.

На губах заиграла ироничная ухмылка. В день, когда Цинъюй после капельницы вернулся домой, Чэн Вэй так и не дерзнул черкнуть ему пару строк — хотя банальное проявление вежливости не вызвало бы ни малейших подозрений. Он давил в себе порывы, запрещая под любым предлогом вторгаться в чужую жизнь.

И вот перед ним открылся идеальный шанс.

В безмолвии пустующей улицы Чэн Вэй не выдержал и низко рассмеялся.

Он зажал тлеющий окурок между пальцев, гася огонёк.

От той показушной мягкости, что он демонстрировал окружающим, не осталось и следа.

Ну и пусть Цинъюй вздыхает по Чэн Е.

Настоящая судьба ждёт его вовсе не там.

<http://bllate.org/book/20116/1991905>